

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК ОСНОВА АРЕАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОРДОВСКИХ ЯЗЫКОВ

М. З. ЛЕВИНА,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Современная лингвистика большое внимание уделяет выявлению общих закономерностей и основных тенденций формирования и развития национальных языков, что немислимо без глубокого и всестороннего изучения их диалектов. По мнению А. П. Феоктистова, это обусловлено тем, что «...на протяжении прошедшего столетия существование большинства как финно-угорских, так и др. этносов и языков происходило в зонах риска, связанного с миграционными и другими негативными процессами, ускорившими ассимиляцию диалектов и языков целых народов» [17, 318–329].

Диалектный язык, согласно концепции Р. И. Аванесова, это, прежде всего, определенная структура, однако как структура в целом, так и ее отдельные элементы обычно проецируются на территорию, поскольку территориальный аспект существенно важен в диалектологии вообще и в лингвистической географии в особенности; он является едва ли не решающим при выделении диалектов, установлении диалектного членения языка [1, 24–26].

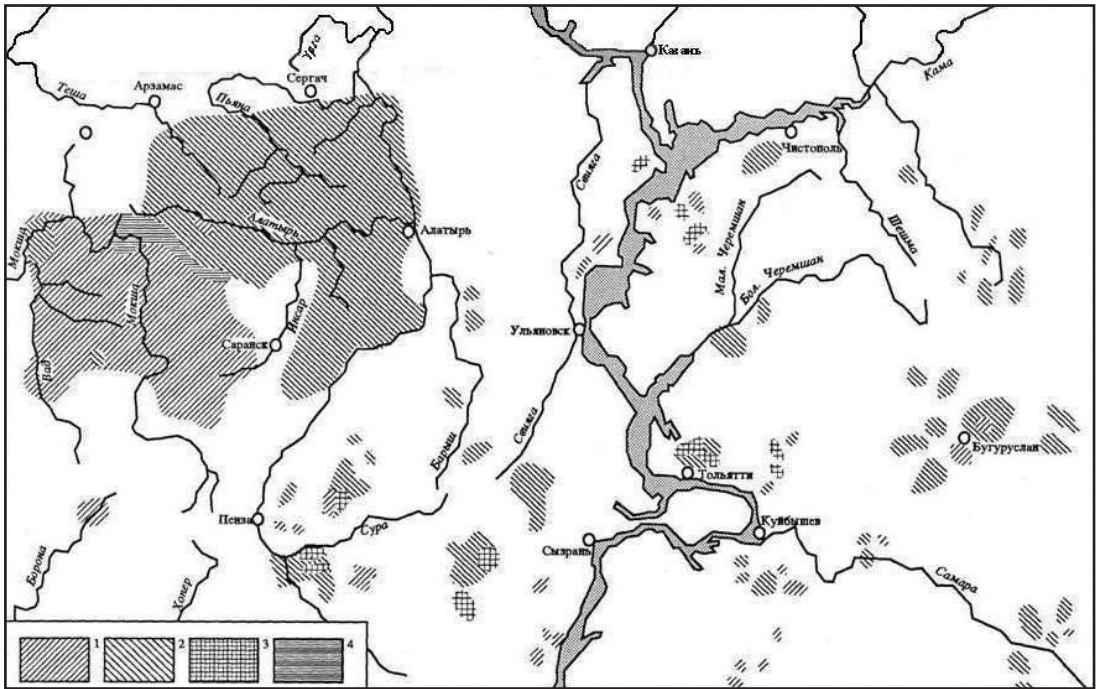
Под диалектом в современной лингвистической географии понимается совокупность определенных языковых особенностей, распространенных на территории, которая локализована значительным количеством изоглосс (линий на географической карте, ограничивающих территориальное распространение того или иного языкового факта), отражающих наиболее характерные языковые черты (фонетические, морфологические, лексические).

Внутри каждой такой территории имеются более мелкие ареально ограниченные участки, которым свойственны особенности, составляющие отличительные признаки диалекта в целом. Изоглоссы, формирующие границы диалекта, собираются в компактные пучки. Однако компактность эта довольно относительна, поэтому границы диалектов представляют собой не линию, а зону, достигающую иногда до десятков километров. В подобных зонах располагаются переходные диалекты, включающие в себя различные черты соседствующих самостоятельных диалектов. Разграничение и изучение таких ареалов позволяет не только расчленивать диалекты, но и исследовать специфику языковых междиалектных отношений (карты 1, 2). Данный подход к описанию системы диалектов неизменно сопутствует территориальному подходу, основы которого заложил еще И. И. Срезневский, когда предположил возможность создания карты, где «...место границ политических, религиозных и всяких других занимают карты лингвистического разнообразия народов» [15, 3–4].

При изучении диалектного языка в территориальном аспекте, т. е. при проецировании его общих и отличительных черт на географическую карту, мы получаем территориальные явления, которые с учетом структурного аспекта синтезируются в структурно-территориальные величины [1, 25].

Лингвистическая география возникла в результате поисков наиболее точных

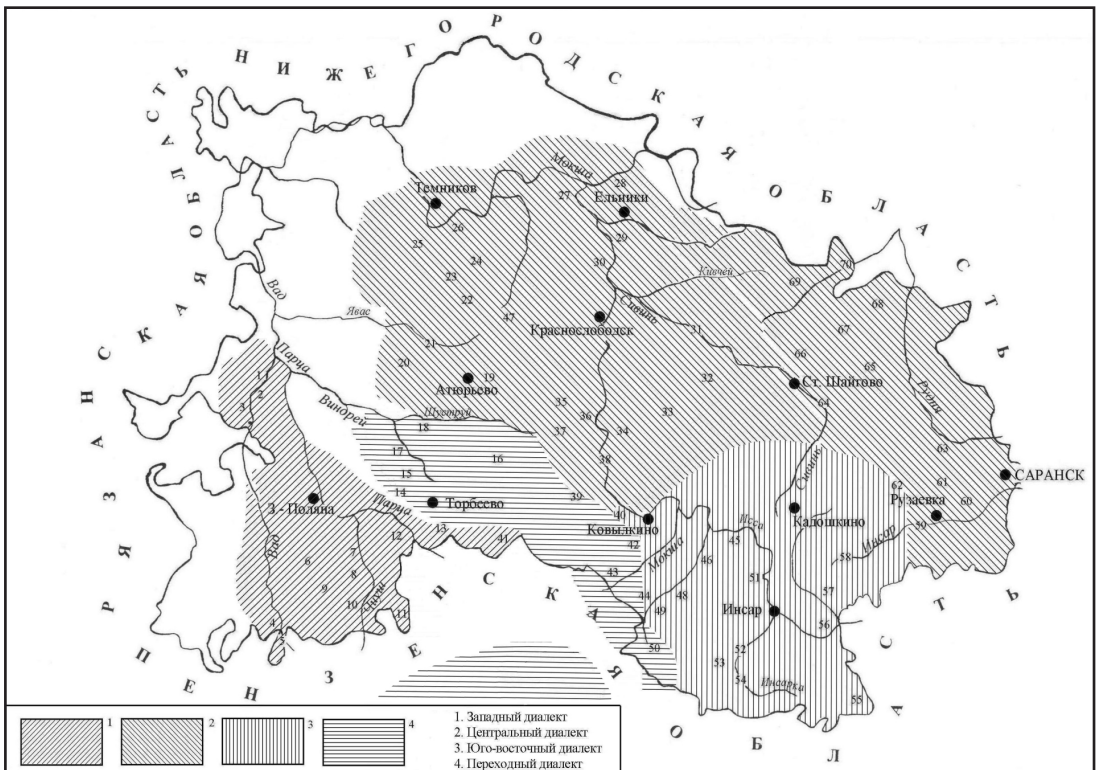
Диалектологическая карта мордовских языков

1. Мокшанские диалекты	3. Смешанные мордовские диалекты
2. Эрзянские диалекты	4. Мокшанские диалекты, пограничные с эрзянскими

Карта 2 [9, 22]

Диалектологическая карта мокша-мордовского языка на территории Республики Мордовия

и универсальных методов изучения языка, и прежде всего диалектов. Она выделялась из диалектологии, однако в сравнении с последней имеет преимущества благодаря своей специфике, конкретности и наглядности.

В конце XIX в. в Европе немецкий ученый Г. Венкер и французский лингвист Ж. Жильерон провели специальное лингвистическое обследование территорий своих стран с целью последующего представления собранного диалектного материала на географических картах. Этим ученым принадлежат первые достижения лингвогеографии и формулировки ее основных понятий.

Развитие лингвистической географии в России опирается на традиции русской диалектологии. В 1903 г. по инициативе А. А. Шахматова была создана Московская диалектологическая комиссия, издавшая в 1915 г. «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе». Это была первая попытка лингвистического картографирования диалектов восточнославянских языков с классификацией и группировкой этих диалектов, представлением границ диалектного членения русского языка. Дальнейшее развитие русской лингвистической географии связано с работами Р. И. Аванесова и его учеников в Москве, а также с трудами ленинградских лингвогеографов (В. М. Жирмунского, Б. А. Ларина, Ф. П. Филина и др.).

В финно-угорском языкознании методами лингвистической географии исследованы диалекты финского, эстонского, венгерского, карельского, вепсского, удмуртского, частично мордовских (мокшанского и эрзянского) и других языков, изучение которых продолжалось несколько десятилетий. Ареальные исследования предприняты Д. В. Бубрихом [4; 5; 6], Р. М. Баталовой [3], Г. И. Ермушкиным [7], Е. И. Коведяевой [8], Б. А. Серебренниковым [14], А. П. Феоктистовым [16; 17], Д. В. Цыганкиным [18–20] и др.

Венгерская школа лингвистического картографирования издала общенациональный и два региональных лингвистических атласа [A magyar nyelvjárások

atlasza. 1–6 köt. Bp., 1968–1977; Véghe J. Örségi és Hetési nyelvatlasz. Bp., 1959; Balogh L., Király L. Az allathangutanzo igék, hivatógok es terelők Somogyi nyelvatlasza. Bp., 1979].

Большое значение для исследования других финно-угорских языков имеет «Диалектологический атлас удмуртского языка» (2009–2010, вып. I, II; авторы Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова) [12; 13], где дается представление об анализе приемов картографирования и методике обработки лексического материала, а также нюансах привлечения этнографической информации при раскрытии определенных названий.

Обобщение характерных диалектных особенностей мордовских языков лингвогеографическим методом начал Д. В. Бубрих. В «Кратком отчете о лингвистической поездке в мордву» он обратил внимание на особенности вокализма и консонантизма эрзянских говоров. Ему принадлежит инициатива создания атласа мордовских говоров [5, 38–41]. Для исследования мокшанских и эрзянских диалектов ученым была составлена «Программа по собиранию материала для диалектологического атласа мордовских (эрзя и мокша) языков» [6]. Ряд изменений и дополнений в программу Д. В. Бубриха позднее внесли В. Д. Объединкин, А. П. Феоктистов и О. И. Чудаева.

Ареальным исследованиям эрзянских диалектов посвятил свою работу Г. И. Ермушкин [7]. Он попытался выявить отдельные изоглоссы в области фонетических и морфологических явлений на материале эрзя-мордовского языка с учетом всех диалектных типов, распространенных на территории Мордовской АССР, а также проследить некоторые изоглоссы за пределами республики.

Существен вклад в ареальную диалектологию выдающегося финно-угроведа Д. В. Цыганкина (работы «Ареальная морфонология форм категории определенности» [19]; «Опыт классификации эрзянских говоров Мордовского Присурья» [19]; «Имя существительное в аре-

альном освещении» [18] и др.), который на широкой теоретической базе и большом фактическом материале рассматривает лексические, фонетические и морфологические уровни диалектов эрзянского языка.

Важным источником в ареальном исследовании мокшанских и эрзянских диалектов служит работа Д. В. Цыганкина и М. Т. Бибина «Лингвистический атлас мокшанских и эрзянских говоров» [18], где предлагается структура атласа, приведены сведения, необходимые для составления атласов говоров мокшанского и эрзянского языков, и важнейшие языковые явления, которые должны быть отражены в атласе, а также для наглядности прилагаются рисунки картографических реалий.

Большую научную ценность составляет монография Д. В. Цыганкина «Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа» [19], где дается ареальное описание имени существительного в диалектах эрзянского языка, которое представляет собой сложную категорию с разветвленной системой форм.

Попытки применения метода лингвистической географии были предприняты в ряде кандидатских диссертаций, монографий и других научных изданий (Плаксина Т. А. «Ареальное исследование северо-западных говоров мокшамордовского языка», 2002; Кукушкина Н. Ф. «Фонетика мокшанских диалектов (в лингвогеографическом аспекте)», 2012; Агафонова Н. А., Рябов И. Н. «Диалектологический атлас как результат исследований эрзянских диалектов методами лингвистической географии», 2013; «Диалектологический атлас эрзянского языка. Программа-вопросник (Морфология)», 2014; Левина М. З. «Морфология форм неопределенного склонения имени существительного в мокшанских диалектах Поволжья (лингвогеографический аспект исследования)», 2015; Гришунина В. П. «Диалектная лексика мокшанского языка (лексикографический и лингвогеографический аспекты исследования)», 2015). Они еще острее обозначили актуальность создания диалекто-

логического атласа мордовских языков. Это отмечал и А. П. Феоктистов: «В ближайшей перспективе необходимо решить проблему мордовского диалектологического атласа, который должен стать самым надежным источником при исследовании гомогенезиса мордовского народа и дихотомии мордовской языковой области. Создание таких атласов крайне необходимо и по другим финно-угорским и самодийским языкам» [17, 329].

Несомненно, развитие лингвистической географии связано с нанесением различий диалектов и подготовкой диалектологических атласов. Приведение на географической карте информации об особенностях тех или иных феноменов показало, что на территории, занимаемой языком, они образуют сложное переплетение изоглосс, причем обычно изоглоссы разных явлений, свойственных данному диалекту, не совпадают. Однако, не совпадая полностью, отдельные изоглоссы проходят близко друг к другу, создавая пучки изоглосс, между которыми выделяются участки, характеризующиеся языковым единством по явлениям такого пучка и формирующие территориальные диалекты. Совокупность изоглосс на территории распространения конкретного языка, или языковой ландшафт, выступает объектом изучения лингвистической географии. Как подчеркнул Р. И. Аванесов, основным понятием лингвистической географии служит изоглосса: «... изоглосса есть то, что получается в результате проецирования на территорию, на географическую карту диалектного отличия. <...> При помощи изоглоссы в указанном понимании устанавливаются границы территориального распространения отдельного соответственного явления в его соотносительных вариантах» [1, 26].

Изложенное понимание изоглоссы отличается от того понятия, которое появилось в лингвистической географии в пору ее развития, когда ее представителями полностью или в значительной мере отрицалось восприятие языка как системы. Естественно, что при отрицании

языка как системы изоглосса трактовалась обычно как линия на карте, соединяющая крайние пункты распространения отдельного диалектного варианта и указывающая участок, занимаемый им, как правило, без учета территориального распространения других соотносительных вариантов. Изогlossа ограничивает территорию распространения отдельного языкового явления или члена междиалектного соответствия. Если члены междиалектного соответствия полностью исключают друг друга на одном участке, то изогlossа является одновременно границей их распространения. На практике в говорах такая ситуация встречается редко. Обычно изогlossы разных членов междиалектного соответствия хотя бы на части территории накладываются друг на друга. При этом между ними образуются зоны сосуществования разной величины и конфигурации.

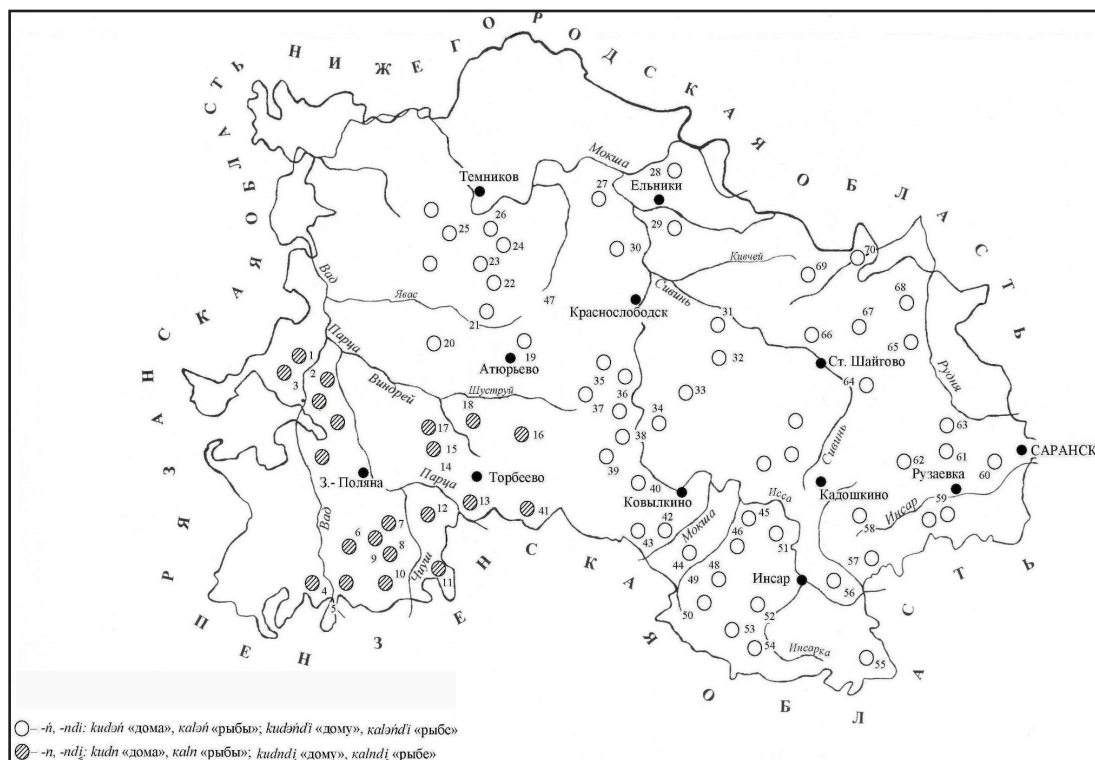
С понятием изогlossы тесно связано понятие лингвистического ареала – тер-

ритории, ограниченной изогlossой, на которой распространено это языковое явление. Совокупность типических ареалов, представленных на картах диалектологического атласа, часто называют лингвистическим ландшафтом данного языка.

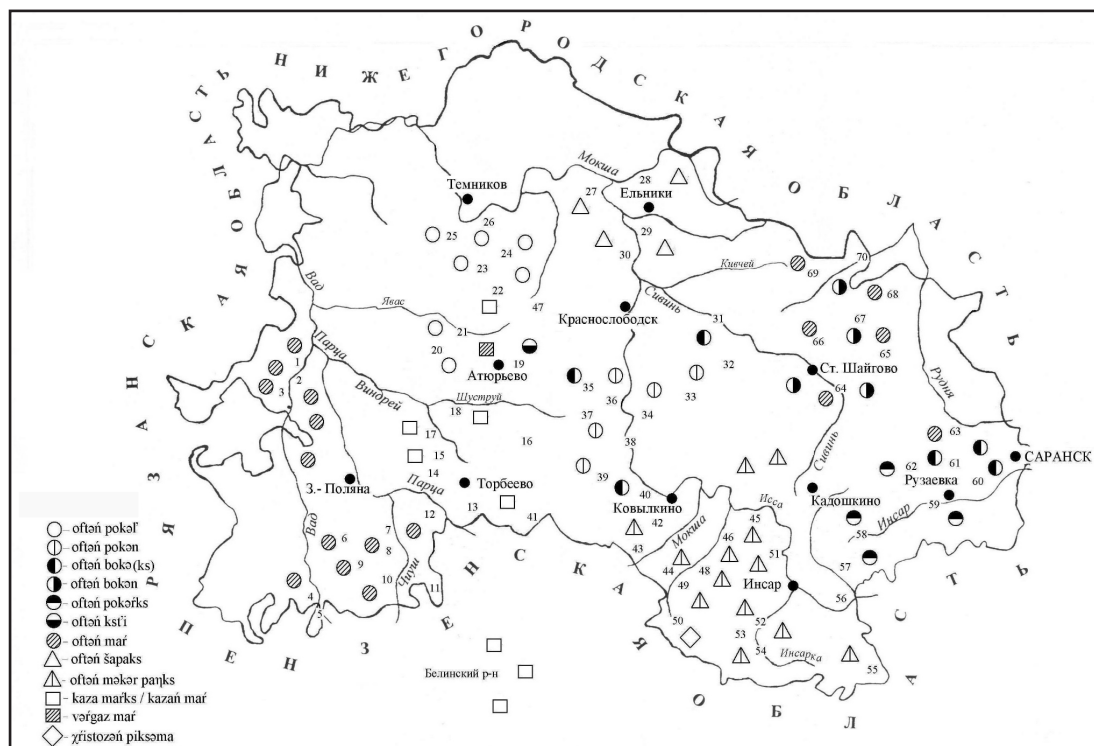
Конфигурация лингвистических ареалов выступает объектом специального ответвления лингвогеографии – ареальной лингвистики. Она занимается выявлением типологии ареалов, связывая их конфигурацию с характером самого языкового явления. Изогlossы разных уровней языка имеют свои характерные черты. Например, изогlossы типичных фонетических явлений, а также морфологических, если они представляют собой регулярные различия, обычно выделяют более целостные и определенные по очертаниям массивы территорий, тогда как с лексическими изогlossами чаще связывается выделение множества мелких ареалов (карты 3–6). Именно поэтому выделение крупных единиц диалектного чле-

Карта 3 [9, 125]

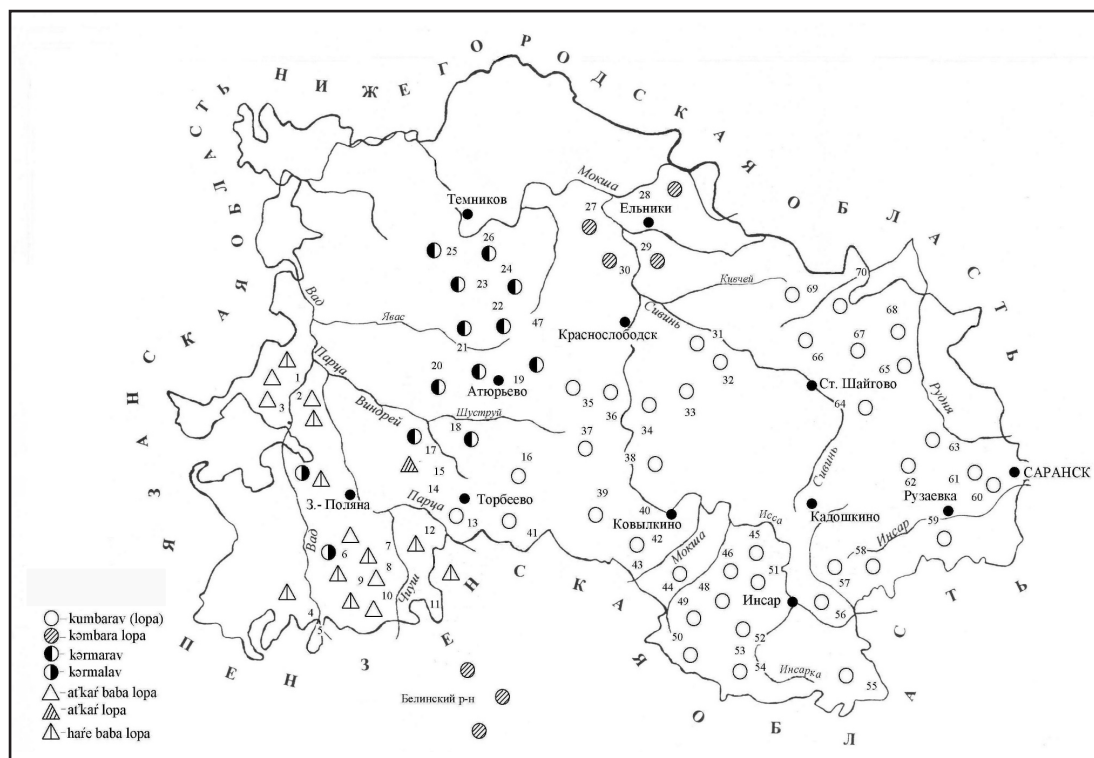
Карта морфем генитива *-n* / *-ñ* и датива *-ndi* / *-ñdi* в формах с основой на непалатализованный согласный

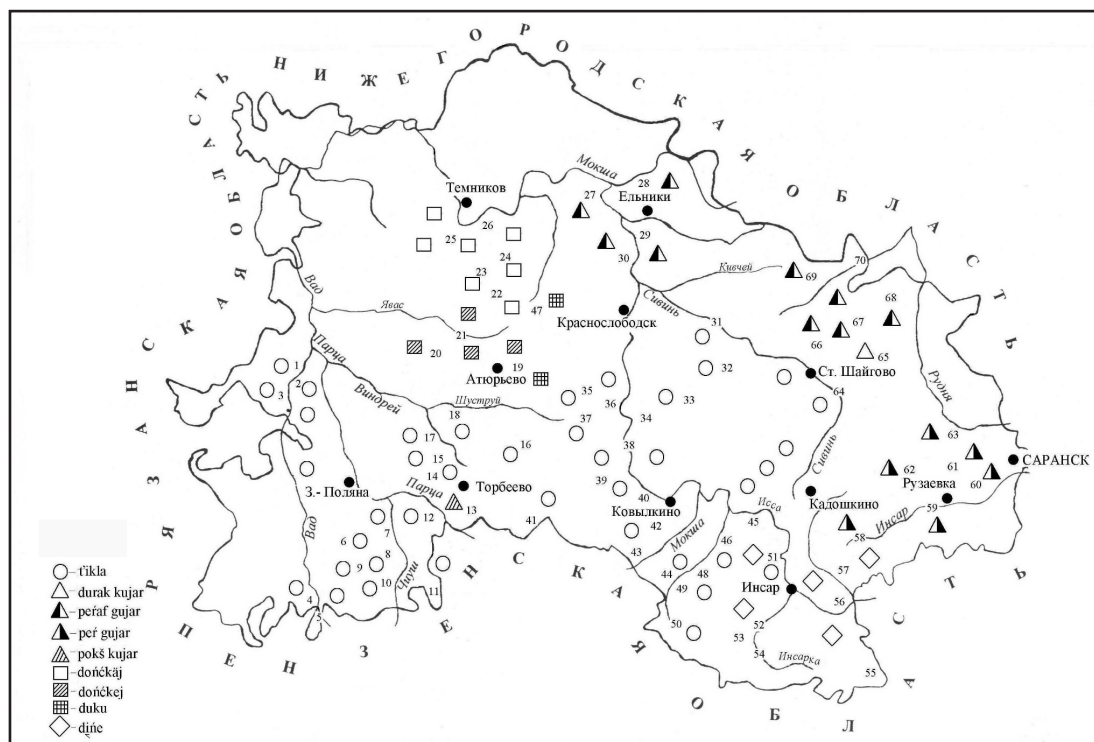
Территориальное распространение лексики «шиповник»

Территориальное распространение лексики «лопух»

Территориальное распространение лексики «тыква»

Обозначение населенных пунктов на карте

1. Подлясово Зубово-Полянского района; 2. Вадовские Селищи Зубово-Полянского района; 3. Промзино Зубово-Полянского района; 4. Старое Бадиково Зубово-Полянского района; 5. Новое Бадиково Зубово-Полянского района; 6. Мордовская Поляна Зубово-Полянского района; 7. Зарубкино Зубово-Полянского района; 8. Ачадово, Тарханская Потьма Зубово-Полянского района; 9. Буддыгино Зубово-Полянского района; 10. Пичпанда Зубово-Полянского района; 11. Мордовский Пимбур Зубово-Полянского района; 12. Кажлодка Торбеевского района; 13. Дракино Торбеевского района; 14. Савва Торбеевского района; 15. Салазгорь Торбеевского района; 16. Мордовские Юнки Торбеевского района; 17. Варжелай Торбеевского района; 18. Старая Пичеморга Торбеевского района; 19. Курташки Атюрьевского района; 20. Арга Атюрьевского района; 21. Кишалы Атюрьевского района; 22. Мордовская Козловка Атюрьевского района; 23. Кушки Атюрьевского района; 24. Польское Цыбаево Темниковского района; 25. Лесное Цыбаево Темниковского района; 26. Кондровка Темниковского района; 27. Мордовские Пашаты Ельниковского района; 28. Большой Уркат Ельниковского района; 29. Старые Пичингуши Ельниковского района; 30. Каньгуши Ельниковского района; 31. Старое Синдрово Краснослободского района; 32. Колопино Краснослободского района; 33. Мамолаево Ковылкинского района; 34. Новое Мамангино Ковылкинского района; 35. Зайцево Краснослободского района; 36. Рыбкино Ковылкинского района; 37. Старая Самаевка Ковылкинского района; 38. Волгапино Ковылкинского района; 39. Гумны Ковылкинского района; 40. Курнино Ковылкинского района; 41. Старые Пичуры Торбеевского района; 42. Парapiно Ковылкинского района; 43. Мордовское Вечкенино Ковылкинского района; 44. Старое Дракино Ковылкинского района; 45. Паево Кадошкинского района; 46. Мордовское Коломасово Ковылкинского района; 47. Мордовские Парки Краснослободского района; 48. Шадым Ковылкинского района; 49. Красный Шадым Ковылкинского района; 50. Алькино Ковылкинского района; 51. Адашево Инсарского района; 52. Кочетовка Инсарского района; 53. Верхняя Лухма Инсарского района; 54. Мордовская Паевка Инсарского района; 55. Шадым-Рыскино Инсарского района; 56. Новые Верхиссы Инсарского района; 57. Новлей Инсарского района; 58. Болдово Рузаевского района; 59. Трусский Рузаевского района; 60. Левжа Рузаевского района; 61. Сузгарье Рузаевского района; 62. Мордовская Пишла Рузаевского района; 63. Перхляй Рузаевского района; 64. Старая Теризморга Старошайговского района; 65. Лемдяй Старошайговского района; 66. Сарга Старошайговского района; 67. Кулдым Старошайговского района; 68. Мельцаны Старошайговского района; 69. Вертелим Старошайговского района; 70. Темяшево Старошайговского района.

нения опирается главным образом на изоглоссы типичных фонетических и морфологических явлений.

Изоглоссы разных диалектных явлений пересекают территорию распространения языка в различных направлениях. Однако в каких-то ее частях изоглоссы, идущие в одном направлении, сгущаются, образуя пучки изоглосс. Пучок изоглосс сигнализирует о том, что здесь проходит диалектная граница. Чем больше явлений входит в пучок изоглосс, тем более значительны по своей иерархии единицы диалектного членения, которые он разграничивает. Крупные диалектные массивы также пересекают определенные пучки изоглосс, выделяя в них более мелкие единицы диалектного членения – группы говоров.

Даже самые близкие по характеру языковые явления дают некоторое, хотя бы и очень незначительное, несовпадение границ. Однако наличие между крайними изоглоссами, входящими в пучок, более или менее широкой полосы переходных говоров (по терминологии ареальной лингвистики, зоны вибрации) не означает, что диалектов не существует, так как на территориях по обе стороны от пучка изоглосс говоры могут проявлять значительное единство своего строя на всех уровнях системы.

При картографировании языковых (диалектных) явлений в лингвистической географии различают пространственное (территориальное) выявление лингвистического элемента, который предусматривает существование и конкретную реализацию лингвистического факта в определенной точке реального диалектного континуума, и реальную проекцию, отображающую территориальное выявление лингвистического факта на картографической плоскости [11, 24].

Хотя карты атласа в совокупности дают синхронный срез структуры языка, а созданная на их основе карта диалектного членения представляет собой картину диалектов в том виде, в каком она сохранилась на сегодняшний день, обе эти разновидности географического спосо-

ба предъявления лингвистических данных с успехом могут быть интерпретированы ретроспективно для восстановления истории фонетического и грамматического строя языка, формирования его диалектов.

Таким образом, интерпретация карт с целью изучения языковых явлений в их развитии предполагает обращение к памятникам письменности, отражающим язык соответствующих территорий, а также привлечение конкретных данных истории народа, исторической географии, этнографии, археологии. Характер языкового ландшафта не может быть единственным (и даже главным) критерием при оценке относительной древности языковых вариантов, так как формирование элементов этого ландшафта происходит в результате не только разных процессов внутреннего развития языка, но и разных исторических условий.

Еще значительнее роль лингвогеографических данных для исторического изучения языка. Показать конкретный путь развития языкового феномена, относительную хронологию образования разных его вариантов, исходя из данных лингвистических карт, можно лишь в ходе анализа соотношения ареалов этих вариантов, сопоставления их с ареалами других явлений, структурно с ними связанных, а также с учетом сведений памятников письменности, если они имеются. Последние могут быть вехами на пути установления абсолютной хронологии возникновения тех или иных явлений или процессов.

Итак, лингвистическая география дает возможность на основе сравнительного изучения изоглосс получить важные сведения для ретроспективного исследования истории языков и диалектов, установить их связи, относительную хронологию в развитии тех или иных языковых явлений. Интерпретируя характер изоглосс, их направление, соотношение, можно с помощью внутренней реконструкции языковых явлений и их сопоставления с данными истории носите-

лей диалектов восстановить пути развития живого народного языка в его диалектном многообразии [2, 49].

Принимая во внимание достижения отечественной и зарубежной лингвистики, следует отметить, что лингвистическая география является одним из луч-

ших методов исследования как разных диалектов одного языка, так и диалектов типологически различных языков, т. е. дает возможность исследовать межъязыковые, междиалектные контакты, выявить общие закономерности и основные тенденции развития диалекта.

Поступила 03.09.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. Аванесов, Р. И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас (материалы и исследования). – Москва : Наука, 1965. – С. 24–35.
2. Агафонова, Н. А. Диалектологический атлас как результат исследований эрзянских диалектов методами лингвистической географии / Н. А. Агафонова, И. Н. Рябов // Финно-угорский мир. – 2013. – № 2. – С. 48–53.
3. Баталова, Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки) / Р. М. Баталова. – Москва : Наука, 1982. – 167 с.
4. Бубрих, Д. В. Диалектологический атлас карельского языка / Д. В. Бубрих, А. А. Беляков, А. В. Пунжина. – Хельсинки : Финно-угорское общество, 1997. – 10 с. + 209 с. карт.
5. Бубрих, Д. В. О работе по мордовскому диалектологическому атласу // Революция и письменность. – 1936. – № 2. – С. 38–41.
6. Бубрих, Д. В. Программа по собиранию материала для диалектологического атласа мордовских (эрзя и мокша) языков / Д. В. Бубрих. – Саранск : Мордгиз, 1935. – 46 с.
7. Ермушкин, Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык) / Г. И. Ермушкин. – Москва : Наука, 1984. – 140 с.
8. Коведяева, Е. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам : Марийский язык / Е. И. Коведяева. – Москва : Наука, 1987. – 160 с.
9. Левина, М. З. Мокшень диалектологиясь = Диалектология мокшанского языка / М. З. Левина. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2014. – 176 с.
10. Левина, М. З. Мокшень корхтаматнень лингвогеографиянь ширде ваномасна = Диалекты мокшанского языка в лингвогеографическом аспекте : учебное пособие / М. З. Левина. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2008. – 52 с.
1. Avanesov, R. I. (1965), On two aspects of dialectology object, Common Slavic Linguistic Atlas (research materials), Moscow: Nauka, p. 24–35.
2. Agafonova, N. A. and Ryabov, I. N. (2013), Dialectological atlas as a result Erzya dialect research methods of linguistic geography, Finno-Ugric world, № 2, p. 48–53.
3. Batalova, P. M. (1982), Areal studies of the eastern Finno-Ugric languages (Komi), Moscow: Nauka.
4. Bubrikh, D. V., Belyakov, A. A., Punzhina, A. V. (1997), Dialectological atlas of Karelian language, Helsinki: Finno-Ugric Society.
5. Bubrikh, D. V. (1936), On the work on Mordvinian dialect atlas, Revolution and writing, № 2, p. 38–41.
6. Bubrikh, D. V. (1935), Program on collecting material for dialect atlas of Mordovian (Erzya and Moksha), Languages, Saransk: Mordgiz.
7. Ermushkin, G. I. (1984), Areal studies on the eastern Finno-Ugric languages (Erzya-Mordvin language), Moscow: Nauka.
8. Kovedyaeva, E. I. (1987), Areal studies on the eastern Finno-Ugric languages: the Mari language, Moscow: Nauka.
9. Levina, M. Z. (2014), Dialectology of the Moksha language, Saransk: Mordovia University Press.
10. Levina, M. Z. (2008), Dialects of the Moksha language in lingua-geographical aspect: a tutorial, Saransk: Mordovia University Press.
11. Lizanets, P. N. (1989), Principles of atlas design of Hungarian dialects of Transcarpathia area, Questions lexicology Finno-Ugric languages, Saransk, p. 19–35.
12. Nasibullin, R. Sh., Maksimov, S. A., Semenov, V. G., Ostavnova, G. V. (2009), Dialectological atlas of the Udmurt language. Maps and comments, Vol. 1, Izhevsk: NITs "Regular and Chaotic Dynamics".
13. Nasibullin, R. Sh., Maksimov, S. A., Semenov, V. G., Ostavnova, G. V. (2010), Dialectological atlas Udmurt language. Maps and comments, Vol. 2.

11. Лизанец, П. Н. Принципы построения атласа венгерских говоров Закарпатья // Вопросы лексикологии финно-угорских языков. – Саранск, 1989. – С. 19–35.
12. Насибуллин, Р. Ш. Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семенов, Г. В. Отставнова. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. – Вып. 1. – 260 с.
13. Насибуллин, Р. Ш. Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семенов, Г. В. Отставнова. – 2010. – Вып. 2. – 364 с.
14. Серебренников, Б. А. Методы лингвогеографических исследований // Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. – Москва : Наука, 1973. – С. 120–167.
15. Срезневский, И. И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник Императорского Русского географического общества за 1851 г. – Санкт-Петербург, 1851. – Ч. 1. Кн. 1–2. Отд. V.
16. Феоктистов, А. П. Диалекты мордовских языков // Paasonens H. Mordwinisches Wörterbuch. – Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1990. – Bd. 1. – S. LX–LXXXVI.
17. Феоктистов, А. П. Об исследовании диалектов финно-угорских языков методами полевой и ареальной лингвистики // Научные издания московского венгерского колледжа. – Москва : Валанг, 2002. – С. 318–329.
18. Цыганкин, Д. В. Лингвистический атлас мокшанских и эрзянских говоров / Д. В. Цыганкин, М. Т. Бибин. – Саранск : Типография «Красный Октябрь», 2002. – 56 с.
19. Цыганкин, Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа : монография / Д. В. Цыганкин. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2015. – 284 с.
20. Цыганкин, Д. В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста / Д. В. Цыганкин. – Саранск, 2000. – 316 с.
14. Serebrennikov, B. A. (1973), Methods of lingua-geographical research, General Linguistics. Methods of linguistic research, Moscow: Nauka, p. 120–167.
15. Sreznevsky, I. I. (1851), Remarks on the materials for the geography of the Russian language, Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society for 1851, Part 1. Book 1–2, Dep. V, Saint Petersburg.
16. Feoktistov, A. P. and Paasonens, H. (1990), Dialects of Mordovian languages, Mordwinisches Wörterbuch, Bd. 1, Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, p. LX–LXXXVI.
17. Feoktistov, A. P. (2002), On the study of dialects of the Finno-Ugric languages and methods of field areal linguistics, Study Press of the Moscow Hungarian College, Moscow: Valang, p. 318–329.
18. Tsygankin, D. V. and Bibin, M. T. (2002), Linguistic Atlas of Moksha and Erzya dialects, Saransk: Typography “Krasnyj Oktyabr”.
19. Tsygankin, D. V. (2015), Mordovian languages in the view of Finno-Ugric Studies linguist, monograph, Saransk: Mordovia University Press.
20. Tsygankin, D. V. (2000), Mordovian languages in the view of linguist, Saransk.